

№ 542

Дважды ТСС

Дело № 114

~~ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО
ПОЛЬЗОВАНИЯ~~

Стенограмма беседы
с Героем Советского Союза
ив. лейтенантом Томковым В.И.

IV

6 листов.

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

гвардии лейтенант П О П К О В Виталий Иванович

Награждения: орден Ленина на Калининском фронте в августе 1941
орден Отечественной войны I степени на юго-западном фронте в мае 1943 г.
орден Красного Знамени на юго-западном фронте в июле 1943 г.
Звание Героя Советского Союза присвоено 8 сентября 1943 г.

Помощник командира эскадрильи

13 сентября 1943 г.

Беседу проводила научный
сотрудник Комиссии КРОЛЬ Р.И.
Записала стенографистка
Комиссии БОНДАРЕНКО А.А.

Родился в 1922 г. в Москве в Кисловском переулке, д. 5. Папа работал шофером в гараже ЦИК. Мама - домашняя хозяйка.

До 1927 г. я жил в Москве. В 1927 г. папу командировали на Кавказ в дом отдыха ЦИК в Сочи. Я жил с ним. Там я первый раз пошел в школу. Когда папа жил в Сочи, мы с мамой на лето уезжали в Сочи, а жж зимой жили в Москве, так что на три четверти года я жил в Сочи, а на четверть - в Москве.

В Сочи было очень хорошо: море, можно было куда хочешь пойти, не боясь, что под автомобиль можно попасть, по горам лазал. Когда мы жили в доме отдыха ЦИК, там часто устраивались экскурсии, я очень любил ездить на экскурсии с папой, бывал на Красной Поляне, в Хосте (Белый Камень), ездили на Мацесту, на Авгурский водопад. Но больше всего мне там нравилось море.

В 1931 г. мама стала работать сестрой хозяйкой на одной из дач НКВД на Мацесте дом № 8. Я с братишкой тоже жили на Мацесте, все время по горам лазали, купались. Когда едешь в Мацесту от Хосты, там на повороте очень красивые места, там товарищ Сталин отдыхал, тов. Калинин. Это дача быв. Зензинова. Прекрасное место!

Там жили мы до 1935 г.. Учиться я ездил в Сочи, там была 3-я жел.дорожная школа. Из Мацесты ездил поездом.

Сначала, до 4 класса я неважно учился, все хотелось как бы поменьше учиться, больше гулять. А уж с 4 класса стал

отличником. Когда мы с братишкой были маленькие и плохо учились, нас били, внушали нам, потом бросили, стали словами действовать, потом уж сознание больше стало, и я стал отлично учиться. К тому же мы вдвоем остались, начали книги читать, хорошо учиться. Больше всего я любил читать приключенческие книги: Жюль-Верна, Фенимора Купера и все, что попадет-ся. Потом стал читать Джека Лондона, наших классиков: Пушкина, Тургенева, больше нравился Тургенев, у него описание природы есть.

До 4 класса слабо было с русским языком. Потом я на своих классиков нажал. Потом вроде как бы соревнование было с братом, хххххххх кто лучше будет учиться. Братишка моложе меня на полтора года, но мы вместе с ним пришли в школу и так до конца вместе учились.

В 1935 г. переехали в Гагры, там недалеко дом отдыха в Пиленково, папа там был начальником, мама сестрой-хозяйкой. Мы учились в Гаграх, там было вроде интерната. На день отдыха мы ездили в Пиленково. В Гаграх я учился с 5 до 8 класса.

Когда я учился в школе, больше всего любил математику и физику, потом уж - химию. Русский язык, литературу тоже любил, тут я уж учился отлично по всем предметам. Я не любил только немецкий язык. В Гаграх нам преподавали грузинский язык, я отлично шел по этому предмету, а немецкий не любил, учился на хорошо по-немецки. Под конец года нажмешь, отлично получишь.

Любимый писатель был Тургенев, потом Н.Островского читал, всех русских классиков перечитал, мама покупала всех классиков. Под конец Горьким начал увлекаться, когда старше стал. Когда был еще пацаном, оставила впечатление книга "Юнармия", потом Н.Островского "Как закалялась сталь", "Рожденные бурей", Шолохова "Тихий Дон", "Поднятая целина", Панфилова "Бруски".

С 5 класса я начал увлекаться авиамоделизмом, книги покупал, все расчеты знал. В школе был кружок по авиамоделизму. Я руководил этим кружком. Нас было три товарища: я, братишка и Корженек Боря. Сперва мы у себя дома что-нибудь смотрим, потом уж идем в школу.

В 1938 г. я вступил в комсомол. Хотели, чтобы вожатым я был. Я отказался, потому что пионеры мне почти ровесники. А кружком я взялся руководить, потому что любил это дело и сама работа спланировала. Наша школа все время первое место занимала в соревнованиях.

Когда в 1938 г. в Гаграх открылась планерная школа, я поступил в нее, кончил ее быстро - месяца в 4, но пользы от нее мало было, потому что я все уже знал, что там преподавали, - только спортивное развлечение. Авиации там не было. Когда я ее кончил, надо было уже кончать 10-й класс, т.е. заканчивать среднее образование.

У нас в Москве квартира была. Папа и мама меня отправили сюда, в Москву. Я здесь один жил, учился в 94 школе между Нижней Кисловкой и Бол.Кисловкой. Школу я кончил в

1940 г.

1940 г.

В 1940 же году стал учиться в аэроклубе Ленинградского района г. Москвы. Классный руководитель был у нас Томазов Михаил Григорьевич - исключительный человек.

Впервые поднялся в воздух я в Гаграх на планере. Ощущение было какое-то непонятное, но, конечно, какое-то захватывающее. Два дня я ходил какой-то радостный. Помню, когда я начал увлекаться авиамоделизмом, тов. Ворошилов лозунг дал: "От модели к планеру, от планера к самолету".

Потом я книги читал, потом челюскинская эпопея. Из книг по авиации я читал: "Летчики в гражданской войне", "Ваши крылья" Кудрявцева по авиамоделизму. Мы с братом решили идти в летчики. После брат пошел в юридический институт, у него больше стала такая склонность, а я держался прежнего курса.

В аэроклубе мне попался очень хороший инструктор. Я попал в группу, когда она уже закончила, а я подогнал и кончил за два месяца. Когда я первый раз вылетел в воздух и прилетел обратно, инструктор Раскидной Яков сказал мне: "Будешь Героем Советского Союза, но все равно будешь помнить первый вылет и того, кто тебя первый раз поднял в воздух". Эти его слова сбылись. После я его не встречал.

Мне много помог командир отряда лейтенант Мартынов.

После окончания 10 классов школы и Московского аэроклуба меня направили в Чугуевское военно-авиационное училище (ЧВАУ). Школу я кончил на отлично. Но в Чугуеве все равно нужно было сдавать испытания. Эта школа выпускала лейтенантов. Как-то был спецнабор в авиационные школы. Я сдал испытания по общеобразовательным предметам за 10 классов. Тут требования были слабее, чем в московской школе. Тут же я сдал еще за одного товарища. Все хотели в школу попасть, а образование не позволяло, и я сразу сдал за двоих: сегодня за себя, завтра за него, а, когда сдавал письменный экзамен, сразу две работы написал. Там народу много было человек 800, разве преподаватели могли всех запомнить, так никто ничего и не узнал. В общем сдал и остался в школе.

Попал во вторую эскадрилью. Командир был майор Осмаков, а инструктор лейтенант Алехов, мало таких людей, как они. У меня все командиры такие исключительные попадались. Алехов учил меня летать уже на истребителе, на "У-2" я уже мог летать, а на истребителе - еще нет. Я еще в аэроклубе сам начал летать, сперва делал провозные, потом контрольные, налетал я часов 30, а в училище стал уже на истребителе летать. Сперва Алехов меня вывозил, потом дал мне летать на боевом самолете "И-16" (Поликарповском).

Когда я кончал Чугуевское училище, война началась. Я как раз всю программу окончил 22 июня. Сперва я думал, что лейтенантом выйду, потом пришел приказ, что школа должна выпускать сержантов. Было исключительно обидно: учился, учился и потом - сержант! В пехотную школу ребята попадали

из неполной средней школы, а мы учились, учились и ...вдруг сержанты.. Но, когда я кончил Чугуевскую школу, пока мы сидели ждали, что нам присвоят, потому что мы начали учиться до приказа о сержантах, думали: ну может быть хотя бы старшину дадут, пока мы сидели, ждали, враг был уже под Харьковом, под Полтавой. Школу начали эвакуировать. А в это время в школу пришла новая материальная часть: "Лаг-3" и "Як-7". Так как надо было кого-то учить, инструктора еще не могли летать на этих машинах, нас взяли. Мои соученики поехали уже по полкам. Правда, они поехали в запасные полки. Я остался в школе, меня сделали инструктором. Только я еще не летал инструктором, а поехал учиться. Конечно, я считал это горем, думал: вот воевать пойду, а тут еще инструктором быть приходится. Работа инструктора очень трудная, и никто не хотел быть инструктором. Мы начали летать на "Яках". После этого школу начали эвакуировать в Казахстан. Так как там не было пригодного аэродрома, считалось, что "Яки" не могут с этих аэродромов летать, нас отправили в Батайск в школу имени Серова.

У меня сперва было желание пойти в бомбардировочную авиацию, тогда были "АСБ". Когда мы из Москвы поехали в числе 25 человек, мы поехали в бомбардировочную авиацию. На бомбардировщике была спокойная такая работенка. Потом кто-то сказал, что лучше истребителями быть. Когда мы приехали в Чугуев и видим истребительную школу, мы сказали, что не хотим тут учиться. А мы уже мандатную комиссию прошли. Тут комиссар школы пришел и сказал: "Мы вас отправим, характеристики дадим". Ну, давай, мол, мы все равно в Москве попадем в другую школу. В общем ребята так сказали. А мое дело и еще одно искали, искали, не нашли. А я так решил потом, что буду в истребительной авиации, а потом и по характеру подошла она мне, и сейчас я очень доволен, по крайней мере ты сам себе хозяин, все от меня одного завист: будешь ты сбивать, не будут тебя сбивать.

Попал я в Батайскую школу слушателем. Пробыли мы немного в Мокром Батае, уже под Таганрог немцы пришли. Мы поехали в Азербейджан, там жили в Евлахии. Там я попал в первую эскадрилью старшего лейтенанта Констанди, начальником школы был генерал-майор Кутасин. Там я пробыл до марта 1942 г.. Все мы рапорта писали, на войну просились, я рапорта 3 написал, но безрезультатно. Придет начальник школы, скажет: "Еще успеете" и все. Мы все ждали там. Потом в марте первых 10 человек выпустили, и я попал в этот десяток. Нас направили в Москву в распоряжение отдела кадров.

Приехали мы в Москву, нас направили на Калининский фронт и на Западный фронт. Я попал на Калининский фронт. Пришлось ехать в товарных вагонах. Нам дали направление, но не сказали, где штаб армии. И вот мы этот штаб армии искали чуть не по всему Западному фронту, куда ни приедешь, говорят: "Нет". Сначала мы приехали в Лихославль, говорят: "Зимой

были, а теперь, наверно, в Калинин поехал". У нас есть нечего, только одни сухари. Когда в Калинин приехали на аэродром, там нас подкормили уже. Когда мы ехали, еще зима была, март месяц, холодно, а мы на подножке, как будто не на войну, а в отпуск, тем более, что мы приехали из Азарбейджана во всем летнем: пальто и гимнастерка была. Мы на подножке едем, а движение было еще плохое, неналаженное, недавно только Калинин взяли. Ехали "на перекладных": где пешком, где на автомобиле.

В общем нашли штаб армии. Когда пришли к Громову, он нас направил в Будово. Там мы были с месяц. Направили нас в бомбардировочный полк, а истребителям мы не нужны. Мы равняем аэродром и т.п.

В это время там был тогда майор, теперь подполковник Зайцев. Нас, летчиков, было 20 человек. Он выбрал 10 человек, я попал в это число. Выбирал он нас таким образом: дал по полету, сам проверял, сам проводил учебные бои. Я проводил с ним бой. Мы с ним взлетели, он сказал, что будем с ним драться, стрелок должен зайти в хвост. Мы дрались, дрались, потом он быстро так (у меня была еще неуверенность, машины ~~быхах~~ стеснялся) зашел в хвост. Я никак не мог выкрутиться. Он сел, так разозлился: "Вот, - говорит, - как пойдешь на линию фронта, как я напущу на тебя "Мессера". Что ты такой вялый?" Я думал: "Раз такое дело, значит, все уже прогорело, не попаду на фронт". Потом читаю в назначении: "5 гвардейская". Зайцев был помощником командира полка, а командиру полка был подполковник Беркаль. После этого мы потренировались. У нас все время был подполковник Зайцев. Он старый инструктор школы, когда-то был инструктором в Борисоглебской школе, учить может хорошо. Поэтому у него 16 человек Героев Советского Союза. Он давал нам полеты строем, учеба была ближе к действительности. Он дал нам весь пилотаж. Если с точки зрения тыла посмотреть, так это было бы хулиганство, а на самом деле проделать все это было очень важно. Эта учеба прошла исключительно хорошо, не было ни одной аварии. Тогда на линию фронта еще не летали, но он попросил у командующего полеты - перекрыть жел. дорогу, а противник все время бомбил жел. дор.

5 мая мы с ним полетели. Он вплотную подошел к "ДО-215" (Дорнье) - немецкий бомбардировщик. Он его сбил, а я только смотрел; конечно, мне интересно было, я тоже пострелял, но, наверно, результаты плохие были; хотя не наблюдал, но знаю, что на радостях не мог хорошо стрелять, да и уменья еще не было такого, как сейчас. По мне тогда стрелок стрелял, но к счастью не попал, а я метров на 20 проходил, да же кресты видал. Я стрелял, но, конечно, попасть не мог. Страха я не чувствовал никакого. Я даже не знал, что они в меня стреляют. Подполковник мне после сказал: "Они здорово стреляли в тебя". Подполковник сбил их. Потом я полдня ходил, рассказывал, как мы дрались с бомбардировщиком. Подполковник Зайцев сказал: "Выйдет толк из этого летчика". Конечно, он не мне говорил, а другим, и я остался в полку.

После этого я уже начал свою боевую карьеру. Потом попал в звено. Командиром звена был Герой Советского Союза гвардии капитан Лавейкин И.П. 1921 г. рождения. Мы с ним почти ровесники, тоже молодой парень. На вид он, как мальчик. Когда мне сказали, что командир, я просто удивился, смотрю - капитан. У меня был хороший товарищ тоже сержант Быков. Командир эскадрильи был Ефремов В.В.. Они с нами занимались и натаскали, как говорят, на это дело. Когда Ефремов ушел в Москву работать инспектором, у нас командиром эскадрильи стал гвардии капитан Лавейкин. Я был старшим летчиком потом командиром звена. Но я был все еще сержантом. Орденом Левина наградили, я все еще сержантом был. В декабре 1942 г. дали старшего сержанта, а уже в марте 1943 г. присвоили звание ~~капитана~~ младшего лейтенанта, в июле получил звание лейтенанта.

Когда мы летали, я всегда был ведомым летчиком и все время ходил с майором Ефремовым. Когда летал командир полка подполковник Зайцев, он меня с собой брал, мы вдвоем с ним летали. Мы прикрывали Холм. Около Холма я первый раз сбил "Юнкерса" с гвардии лейтенантом Штоколовым, он был ведущим. "Юнкерс" вышел из облаков, нас не видел. Я бил, бил и сбил. Потом еще телеграмму нам прислали, а я еще больше рад был. Это было в мае 1942 г. Перед этим я говорю майору Ефремову: "Сколько раз летаю, ни разу с бомбардировщиком не встретился, только все с истребителями и тут как раз сбил, близко к нему подошли. Но нужно сказать, что хоть и ~~я~~ сбил его, но неграмотно подошел, не маневрировал, ходил по прямой. Сейчас уж, конечно, опытность есть. Он мне в бак попал, 3 пробоины сделал, бензин вытек весь. Я долетел до аэродрома. Не долетел метров 50, упал, но попал в болото, машина сразу же завязла в болоте. Меня из машины выбросило в болото лицом ударился. Сперва думал, что ногу сломал, потому что сапог выскочил, перевернулся. Потом смотрю - нормально. Тут женщины бегут, спрашивают: "Сильно побился?" Говорю: "Ничего". А глаз уж начал закрываться. Один красноармеец дал зеркальце, смотрю - лицо распухло. Тут подполковник Зайцев на машине приехал, взял меня за руку, хочет поддержать, а я уж ~~в~~ 5 километров прошел. "Ну как?" - говорит. Я говорю: "Ничего". Так дней 10 я подождал пока опухоль прошла. У меня губа была разбита, нельзя было бриться, усы отрастли.

На мою машину попал фотоаппарат. Я ходил все время с аппаратом, почти всю ржевскую группировку сфотографировал. Я получил много благодарностей от командующего за эти снимки. Я сам фотографировал. Мы ходили все своим звеном: я, Лавейкин и Быков. Один раз меня сильно зенитка подбила, но я все-таки долетел с фотоаппаратом.

На разведке еще сбил один самолет, на этот раз уже истребитель. Тут у меня уже опыт нескольких воздушных боев был. Правда, в первом воздушном бою в горле сильно пересохло и натянутость какая-то была. Потом стал втягиваться, втягиваться.

В августе были самые сильные бои с истребителями. Нас была девятка, а их 18 штук. Начали мы драться, как гово-

Как я вышел из леса, увидел - женщины косят сено. Я стал к ним подходить. Посмотрел сначала, чтобы военных не было, чтобы не напороться. Подошел к женщинам вплотную. Они сперва меня не видели. Потом, когда на 50 метров подошел, они уже заметили. А у меня палец еще напух, пистолет я держу за спиной, такая тень получается и солнце печет больно. Я спросил у женщин: "Войска есть?" Они в одну кучу сбились. Я подошел еще на один шаг, они - шаг назад. Думаю: так можно идти далеко. Я спросил: "Войско какое-нибудь есть?" Они спрашивают: "Какое тебе войско нужно?" Я говорю: "Какие войска? Наши, красные". Меня и смех берет и не до смеха. Как сказал, что красные войска, как они сразу плакать начали: "Родненький, обгорел", все стоят, режут. Мне уж неловко, что обратился к ним. Сочувствуют. Спрашиваю: "А доктор есть?" Они говорят: "Вот там 4 километра - санбат". Я пошел в санитарный батальон. Там меня перевязали, смазали чем-то. Потом я просил, чтобы не на машине, а на самолете меня отправили, потому что я с утра ничего не ел, а меня завязали. Смотрю - раненные едят, у меня аппетит разгорелся, а я не могу ничего есть. Тут был летчик, я спрашиваю его: "Можешь меня отвезти?" показал где аэродром. Говорю: "Они в полку будут меня лечить. Говорит: "Ладно". Меня положили в такую будку и повезли. Потом летчик летал, летал, не нашел нашего аэродрома, все замаскировано было сильно, привез обратно в госпиталь. Я дал сестре денег: "Дайте телеграмму в полк, что я уже здоров". Может быть она не дала телеграмму, но никто не пришел. Я смотрю в окна, никто не приезжает. Меня отправили в Торжок, потом в Калинин, собственно не в самый Калинин, а в село Медное; там госпиталь 1774. Как раз я попал в челюстную госпиталь. Они меня из поильничка поили, все жидкое давали, хлеб не мог есть. Потихонечку дело на поправку пошло. Исключительно внимательный медицинский персонал попался. Через месяц я уже мог писать правой рукой, а левая еще сильно болела. Я написал письмо И.П.Лавейкину, адрес свой дал - Калинин. Подполковник Зайцев тогда поехал с Шилкиным. Они все госпитали объехали в Калинин, нет такого летчика. Я думал, что если напишу - село Медное, цензура зачеркнет. Потом написал, думаю - что будет. И как только они получили письмо, подполковник Зайцев прилетел ко мне, привез подарки, сказал, что я награжден орденом Ленина. Я сперва не поверил. Тут такая радость. На раненых сильное впечатление произвело, что вот сам командир полка прилетел. Он привез конфеты, печенье, вино. Вино, правда, мне пить нельзя было, так я раненым отдал. Я сказал подполковнику Зайцеву: "Заберите меня отсюда, мне уж надоело". Он сказал: "Как поправишься, в дом отдыха отправим". Они все время ко мне залетали, покажут там что-нибудь в воздухе, чтобы я понял, что это они.

Потом я поправился и 10 сентября меня направили во фронтовой дом отдыха. Я немножко полежал, потом попросил Ефремова, чтобы меня пустили полетать. Там мой друг Женя был, он тоже ходатайствовал. В конце концов мне дали потрениро-

ваться.

Женька потом погиб под Бельском, он дрался один против 18.

В первом же бою после выздоровления я рассчитался с противником: зажег его. Ужасно обрадовался, что мог рассчитывать. Это было под Ржевом. Фриц, правда, уполз с парашютом, как и я, на глазах у всех, командир дивизии видел.

После этого я начал воевать, уже злость появилась, правда, не сбивал самолеты.

В ноябре месяце я попал в дом отдыха, у меня еще ожог болел, то там лопнет, то там, все время лопалась кожа. Подполковник Зайцев меня направил в дом отдыха.

Потом весь полк поехал в Горкий за машинами. Из дома отдыха я тоже сбежал. Мы получили машины и ^{нас} сбросили на Юго-Западный фронт. Это было уже в декабре, как раз только начались операции на Дону. Мы начали прикрывать танковый корпус, который действовал на Дону. Когда мы пошли уже к Донбассу, я сбил "Хейнкель", затем "Раму" ("Фокке-Вульф"-II8). Потом еще с одним своим направился и сбил одного. В общем у меня уже было 10 сбитых самолетов и один в группе. Меня представили к ордену Отечественной войны I степени. Замечательные бои были, когда мы летали под Харьков юго-западнее Муромы под Белгородом, еще снег только начал таять. Мы дралась пятеркой против четырех. В этом бою были: я, Штоколов, Анцирев, Лавренко и Лавейкин. Я сбил 5 самолетов, ни одного не потерял, только у Штоколова было 3 пробоины, остальное все нормально было. Мы должны прикрывать девятку "П-2". Мы полетели восьмеркой, потом вышел вперед "П-2". Смотрю - вроде зенитка бьет. Я показал командиру, по радио передал. Потом смотрю - о, много! Они гуськом шли в нашу сторону. Нас с бомбардировщиком шло 3 самолета. У нас было преимущество, потому что мы шли со стороны солнца и подошли близко, близко. Они нас не видели. С первой же атаки мы двух сбили и начали драться. Но их было так много. Истребители тоже были, они маскировались под "Ю-88" выпущенными ногами. Они все в кучу сбились, удивительно даже, как они не столкнулись. Был страшный беспорядок, они прямо на свою территорию сбросили бомбы. В эту кашу мы завязались.

Тут был такой характерный случай. Я видел, что один подбит. Сашка Пчелкин к нему подлетел. Выражения лица мне не видно было. Но я сказал: "Я покажу за хихикающих твоё здоровье". Он только начал на него отворачиваться и мы его сбили. Потом мы полетели домой, и все в порядке, все "П-2" пришли.

Орден Отечественной войны я получил уже в Москве, потому что материал ходил целый месяц.

летом уже начались июньские операции. Мы побывали за обороной. Прикрывали мы наземные войска. Там особо замечательных боев не было, но наверно самолета два сбили. Сначала я был ведомым. Тут уж мне стали доверять группу, вроде в начальство выбился, сам стал водить под Белгородом. Мы все время "Илов" сопровождали. Там я сбил 3 самолета. "Ила" мы ни одного не потеряли. Один только раз у нас глазах "Ил" "Мессершмидт" как зажег. Я с самого верха был, смотрю - там

ошибка!
Р. Крив

такая трасса и летчик летит. Он видит, что не дотянуть и врезался в колонну противника, погиб, как Гастелло. Это все у меня на глазах было. Я разозлился, и мы вдвоем с Мересаевым догнали этого наглеца, и я его сбил. Такая злость была, что наши были уже на земле, а я еще по горящей машине дал. Потом мы пришли домой вместе.

Сейчас у меня на счету 26 лично сбитых самолетов противника и один в группе, но в группе уж не считаю, потому что там нельзя сказать, кто сбил.

Потом уж начались бои под Изюмом. Когда в Донбассе были бои, с истребителями приходилось драться, а последнее время с бомбардировщиками. У нас машины уже стали не то, что под Ржевом. Раньше, если фриц хочет драться, он дерется; если ему невыгодно, он ~~снижает~~ прибавит и уходит. А сейчас хочет или не хочет, он будет драться, потому что у нас скорость большая и машины лучше. Так что он уже на равных правах с нами дерется. В последнее время у меня даже патронов не было, но, чтобы показать ему, я зашел в хвост и все, что хотел, делал с ним, а таранить я не хотел, потому что у меня машина отличная. У меня попытки две были, я шел на таран, но порошу нехватило, машину дернул, не попал. Потом командир закричал: "Я тебе потараню!" Последнее время я научился так бить, что в большинстве случаев с первой атаки сбиваю, потому что последнее время злость стала особенно сильна, когда они на моих глазах сбили моего друга Женьку. До этого у меня было 8 сбитых, теперь 26 и считаю, что они еще не расплатились за это дело. Еще ни один, которого я атаковывал, не уходил.

Один раз мы десяткой дрались против I20. Конечно, мы не со всеми дрались, а в группе. Сбили 6 бомбардировщиков.

Еще был один бой, когда я два самолета сбил. Командующий меня наградил часами. Это было 23 июля. Был один налет на прифронтовой аэродром. Это они к нам шли. Мы взлетели четверочной и я сбил одного "Фокке-Вулф" и одного "Мессершмидта". Один в плен попался, какой-то немецкий капитан, другой сержант румын. В этом бою мы сбили 10 самолетов и один летчик выпрыгнул и то наша зенитка сбила, ему пришлось выпрыгнуть.

Когда мы ходили под Изюмом, это были самые сильные бои. Это было 17 августа, когда мы ходили десяткой. Я был старшим в этой десятке. Мы сбили 6 бомбардировщиков и 4 истребителя. Тогда телеграмма поздравительная была. После нашего боя пехотная часть заняла деревню Долгинькое. Вообще они очень довольны были.

Числа 16 августа я с самолета начал огонь артиллерии корректировать, чего никогда истребитель не делает. Сначала я сообщил наземному командованию, что вижу танки. Пока я корректировал, артиллерия сожгла 8 танков. Конечно, я технически правильно не мог корректировать, но вижу, что бьет артиллерия, я по радио говорю: "Пускай артиллеристы бьют так, как сейчас, только перенесут метров 100 вправо". Они стали так бить и сожгли 4 танка. Я сказал, что танков еще много, они вызвали 8 "Илов" и еще несколько танков сожгли.

А вообще истребители против танков ничего не могут сделать. Я пикировал, чтобы показать, где они находятся. Я говорю: "Вижу 50 танков противника, я буду пикировать, вы смотрите направление - куда, и буду стрелять. Я пикировал, артиллеристы уже видят куда стрелять. Передавал сведения все время открытым текстом, чего уж тут скрывать, все равно видно. Потом "Илы" пришли.

Последний бой был под Мерейой. Там было около сотни самолетов, нас восьмерка. Я сбил два самолета, одного "Хейнкеля" и одного "Мессершмидта-109". Это были уже 25-й и 26-й самолеты.

Боевых вылетов у меня 215, воздушных боев 58. В последнем бою меня подбили, но у меня патронов не было уже. Такой бой был, что за мною ходил "Фокке-Вулф". Он видно меня принял за своего, а я его за нашего, думаю: веселее будет вдвоем, и Фриц видимо так думал, а я для него был ведущий. И он до тех пор не понял, что я советский, пока я 44 в "Мессершмидта" не выпустил, и он стал падать. Я тоже не понял, думаю: "Вот хорошо ходит". Мы еще повиражировали, и потом наши пришли. Если бы патроны были, мы бы еще подрались. Он много еще дрался со мною, но у меня не было патронов. Таранить я не мог, потому что скорости не было, чтобы догнать. Так что мы по-мирному разошлись: он к себе, я к себе. Но я двух сбил. У него невыгодное положение: скажут "Все время ходил с русским, потерял где-то своих". Раз он был у меня ведомым, значит, он своего ведущего потерял, а потеря ведущего - уже позорное дело.

Мы были в доме отдыха, куда приехали числа 6-7 сентября. Потом я заехал к себе на квартиру, хотя там и нет никого, но некоторым ребятам негде было переночевать, я всех к себе привел. Потом включил радио последние известия послушать, правда, первые - в 6 часов мы проспали. Потом я слышу, что передают: "Сытова и Шердакова", а материал на нас вместе подавали. Я разбудил ребят, все закричали "ура". Потом соседи пришли и говорят: "Поминали Полкова, только не знаю - на присвоение звания или как". Я говорю: "На лейтенанта не будут по радио передавать, если на генерала, то другое дело".

Мой адрес: Полевая почта 23301

Адрес матери: Ташкент, ул. Карла Маркса, 18 Елизавета Дмитриевна Попкова.

Брат у меня танкист.

Р. Р. Попков

В деле ... Л. 114 ... листов ... шесть

пронумеровано ... Сикит Карагашем

~~15/11/50~~ Подпись:

Сикит